

Мы фатально недооцениваем проникающую и преображающую силу поэтического мировидения и поэтического слова, недооцениваем в том числе и сопричастность поэтической интуиции «мгновенному» мистическому постижению сути вещей и незримых «сущностей» окружающего мира.

Поэзия и мистика, поэзия и магия мысли находятся в неразрывном единстве между собой, если они – подлинны.

Это давно уже достаточно очевидно, хотя и до сих пор распространено обывательское представление, что художественное творчество, включая, естественно, и поэзию, – только некая словесная игра, разновидность увлекательного фокусничества, которое развлекает, услаждает душу и, может быть, порой приобщает к прекрасному, но – не более того.

В лучшем (среди обывательских воззрений) случае видят в поэзии эдакое эстетически притягательное проповедничество и завуалированное нравственное и общее духовное «наставничество», как бы «настоянное» на музыке стиха, ритме, рифме, яркой образности и прочих внешних атрибутах поэзии.

Между тем все это – чистейшие и простейшие благоглупости на фоне уже устоявшихся современных, в том числе и вполне научных, знаний и представлений о мире и месте в нем поэзии и творчества.

Так, еще в относительно недавнем историческом прошлом фатально недооценивалась «вещность», материальность сознания и мысли, включая, естественно, и поэтическую мысль, а точнее – поэтическую интуицию и мысль, которые всегда слиты в подлинной поэзии воедино.

Таково наследие давнего противопоставления материализма и идеализма, материи и сознания.

Между тем давно уже стало ясно, что мысль и сознание в целом – только одна из форм все той же материи, материи и энергии, из которой состоит весь мир, вся наша Вселенная. Иного в окружающем нас мире просто нет. Это доказывает со всей однозначностью даже современная физика, в частности, квантовая физика.

Поэтическое сознание, состоящее из сплава интуиции и мысли, есть в известном смысле поток энергии и одновременно ее сгусток, как бы впитывающий в себя и зеркально отображающий «суть вещей».

Потому поэтическое сознание и, соответственно, поэтическое творчество, если оно подлинно, непременно обладает, помимо прочих уникальных свойств, в известном смысле и проникающей силой рентгеновских лучей – способно отображать незримые «сущности» окружающей жизни с редчайшей, завораживающей, поистине магической ясностью и полнотой.

В этом во многом и состоит искусство поэзии – искусство созидать из слов чарующие «рентгеновские снимки» мира, то исполненные красоты и приобщающие к свет-

лым стихиям жизни, то приводящие в страх и трепет и обнажающие «темное дно» земного существования.

В торжественном провозглашении этого особого пронизающего свойства поэтического мировидения, собственно, и состоит философский смысл знаменитого тютчевского стихотворения «День и ночь», в котором ночь – это вдруг открывающаяся перед поэтическим взором бездна, вдруг обнажающееся перед ним «темное дно» бытия:

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!

В действительности настоящий поэт в процессе созидания, творчества реально «работает» и со светлыми, и темными «сущностями», стихиями и энергиями мира, не только различает и отображает их, но и «пользуется» ими, как бы намагничивает ими свое поэтическое слово, в котором эти «духи мира», эти мировые стихии и энергии воплощаются достаточно осязаемо и «вещно», в сущности, также как в магическом заговоре или заклинании.

Действие поэтического слова – гипнотическое и магическое.

Поэтическое слово – это не просто зримое воплощение красоты, это – сгусток энергии, способной и созидать, и разрушать, а само поэтическое творчество – это таинство.

Почему же тогда поэзия многих и многих оставляет равнодушными и чарующе (или хотя бы ощутимо) действует далеко не на всех? Ответ прост: по той же самой причине, по которой и любое таинство (в частности, церковное) не действует на непосвященных, не верующих, равнодушных, не воспринимающих его всерьез.

Для того чтобы поэтическое таинство подействовало, нужна вовлеченность в магию поэтического слова, способность и желание «читать» отраженные в этом слове магические символы и таинственные знаки мира, его созвучий и диссонансов, его скрытых соответствий и его изломов, которым глубоко сопричастны жизнь и сознание человека.

Опять вспомним Тютчева: «Поэт всесилен как стихия, // Не властен лишь в себе самом...»

Однако не преувеличиваем ли мы, утверждая генетическую родственность процесса поэтического творчества и акта, таинства творения в магии?

Обратимся к тому, что утверждали те, кто в магию действительно верил, воспринимал ее более чем серьезно и проповедовал ее как путь созидания счастья. Вот что писал, например, в известной книге «Магия в теории и на практике» (1929) провозвестник современной европейской магии Алистер Кроули: «Поэт, влюбленный или художник, охваченный творческим неистовством, выходит на пределы самого себя, то же самое должно случиться и с Магом». То есть творящий поэт или художник, по убеждению Кроули, погружается в некое состояние «неистовства», в котором творится и Магия, которое необходимо и Магу.

Собственно, это необычное и таинственное с виду состояние, в котором человек, будь он маг или поэт, «выходит за пределы самого себя», – типическое, если можно так выразиться, зазеркалье эйфории или транса, когда обыденное сознание естественным образом гаснет и на смену ему приходит сознание трансцендентное, открывающее мир

как живое и чудесное единство «всего и вся» на уровне бесконечных превращений «одного в другое», бесконечных метаморфоз движения, энергии и материи.

Это и есть по сути дела то самое действительно необыкновенное состояние творчества, при котором магическим способом постигаются и преобразуются сущностные связи и созвучия явлений жизни.

Большая поэзия (по крайней мере в России) и начиналась со стремления поэта быть выше обыденности и выше самого себя, приобщиться к высшему знанию и творчеству. Вспомним Ломоносова:

Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота
И облаком нестись, презрев земную низкость.

Конечно, Ломоносов утверждал свое поэтическое «я» еще достаточно наивно, но истинные цели поэтического творчества обозначил в целом точно.

Лучше же всех о мечте и жажде поэта слиться с трансцендентным и вечным, приобщиться к Космосу бытия сказал, конечно же, истинный провидец в русской поэзии Федор Тютчев:

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, –

Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

Естественно, можно вполне резонно заметить, что все подобное, провозглашаемое поэтами порой столь громогласно и столь вдохновенно, – или вообще только риторика, или лишь красочное иносказание о том, «кем мне так хотелось быть, но, увы, не довелось стать».

Почти каждый человек мечтает быть больше, чем он есть, а уж поэт – особенно.

Вл. Соловьев полагал, что в стремлении стать «больше, чем ты есть» заложено зерно будущего Богочеловечества. Вряд ли. В этом стремлении чаще всего проявляется просто «вирус» гордыни, самомнения и неоправданных амбиций – раздуться эдаким «неимоверным шаром» и тем самым показать миру и окружающим «кто есть кто».

Тем не менее мы не верим, что Блок, например, просто играл, гордился собой или фантазировал, когда исповедальным тоном писал о поэтическом творчестве в стихотворении «Художник»:

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого – нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, –
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил – убил.

Погружение в трансцендентное, приобщение к трансцендентному, попытка отобразить его в слове, впитывание и выпитывание в стихи потаенных энергий мира, Вселенной, насыщающих собой поэтическую образность и символику, – это и есть поэтическое творчество в высоком значении этого понятия.

Просим не путать его с «рифмотворчеством», которое тоже может нравиться людям и даже вызывать порой бурные аплодисменты, но к поэзии как таинству и как магии, оперирующей живым словом, не имеет отношения.

Так, особенно любили предаваться такому римфотворчеству и упоенно «разговаривать стихами» официальные советские поэты. Это тогдашней властью особо приветствовалось.

Считалось, что настоящий советский поэт должен непременно быть понятным для народа и потому ему следует красиво и убедительно «говорить в рифму» – кого-то (то есть кого надо) страстно ругать, кого-то, наоборот, восторженно хвалить, воспевать, что-то (то есть, что надо) патетически провозглашать, а иногда и просто болтать и болтать о цветах в поле и птицах в небе, чтобы советскому читателю стало от этой неугомонной болтовни в рифму приятно...

Таким всегда был, в частности, Евгений Евтушенко – типичский пример советского поэта-трубадура, для которого самое важное – как можно сильнее и эффектнее «дуть в трубу». Но к действительно серьезной Поэзии с большой буквы все это, увы, не имеет отношения.

Серьезность настоящей большой Поэзии состоит также отнюдь не в том, чтобы уметь в ней поговорить и с самим Богом, как это запросто удается, в частности, тоже весьма любящему по-советски «поговорить стихами» Александру Кушнеру, с достоинством завершающему, например, любопытное поэтическое описание своей приватной встречи с Богом следующим весомым признанием: «И я ему сказал, что он не виноват, // Ни в чем, что жизнь сама угрюма и сурова».

Задача истинного поэта, по нашему глубокому убеждению, состоит отнюдь не в том, чтобы «частным порядком» встречаться с Богом и что-то ему авторитетно разъяснять от себя лично, а в том, чтобы Бог, как светлое, житнетворящее и трансцендентное начало бытия, в его стихах все-таки был, незримо присутствовал – хотя бы как «ветерок вдохновения», преображающего изображаемый поэтом мир. Об этом легко и славно сказал Георгий Иванов:

А что такое вдохновенье?
Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.

Заметим, однако, что мы «легкость необыкновенную» в поэзии при этом вовсе не проповедуем.

Совсем недалеко порой от иной такой счастливой легкости в поэзии, первоначально напоминающей «щебетание птиц небесных», до безумного «лепета» упоенного собой безмыслия, такого, например, как в стихотворении Ивана Храмовника под характерным названием «Нокдаун»:

но настает трагический момент
займи мне рубль и продолжим танцы
на грани затемненного пространства
под звуки водосточных флейт.

Поэт в своих стихах, так или иначе, всегда колдует. Он как маг, как ведун «заговаривает» своим словом, приобщаясь к потаенным энергиям Вселенной и черпая из них энергию своего стиха, своего поэтического слова буквально «пригоршнями». Мы убеждены в этом.

Красота поэтического слова, его чисто эстетические достоинства – отнюдь не самое главное. Много важнее – энергетика поэтического слова, его способность очаровывать и зачаровывать, овладевать сознанием воспринимающего его «субъекта» (читателя и слушателя) и властвовать в этом сознании хотя бы какое-то время, то время, которое способен длиться гипноз поэтического слова. А гипноз этот, это колдовство поэтического слова, бывает, длится и годами, десятилетиями даже, если говорить о поэтах особо замечательных, выдающихся.

При этом мы отнюдь не склонны расширительно толковать понятие и само явление Поэзии как некую наивысшую форму истинного созидания и творчества как такового. А это в нашу эпоху уже не редкость...

Так, к подобному расширительному толкованию поэзии приходит, например, в фактически полуфантастической статье «Сверхпоэзия и сверхчеловек» Михаил Эпштейн («Знамя». 2015. №1).

В воображении Михаила Эпштейна и сейчас, в наши технократические времена «Поэзия продолжает преобразовать мир, причем более могущественно и всесторонне, чем когда-либо раньше. Физика, биология, энергетика, информатика приходят на службу поэзии, которая определяет смысл прогресса-поэзиса высшей целью, ранее достижимой только в слове: творить мироздание как поэтическую композицию, где все отражается во всем».

Мы никакого «прогресса-поэзиса» вокруг себя в отличие от Михаила Эпштейна, к сожалению, не видим и не понимаем, в каких это формах физика, энергетика и информатика «приходят на службу поэзии», которая, как он утверждает, «выходит из своей ранней, словесно-стиховой формы..., чтобы магически преобразовать мир».

По нашему глубокому убеждению, жизнь и судьба поэзии навсегда связаны со словом – словом-заклинанием, словом-прозрением, Словом, наделенным неотразимыми чарами красоты, ее энергетикой, ее властной и вполне реальной магией, способной преобразовать сознание человека.

Все разговоры о «науке как сверхпоэзии», о какой-то невероятной «социопоэзии» и «эконопоэзии», которые восторженно и запальчиво ведет в наше время не один Михаил Эпштейн – только слова, слова, слова, как говаривал Гамлет, принц датский.

Современная цивилизация первозданную, самой природой созданную поэзию жизни только разрушает, а реальную поэзию нашего времени, по-прежнему воплощающую

юся в чарующем поэтическом слове, чаще всего просто игнорирует, не воспринимает, оставляет за бортом своих истинных ценностей.

Потому и те, кто громогласно заявляет об открытии некоего творящего новую реальность космизма в поэзии, подобно Константину Кедрову, на деле создают преимущественно комичные и неловкие вирши для улады незадачливых простаков:

Мыслью мысль
обнимая
воздвигая к небу мост
мозг меня не понимает
я не понимаю мозг.

Вовсе не надо опять воздвигать Вавилонскую башню, воздвигать к небу «мост», тем более такой, на котором уже и твой собственный мозг тебя не понимает... Много лучше оставаться на земле человеком и не корежить, не уродовать хотя бы собственную душу. А Председатели Земного Шара у нас, как известно, уже были и – допредседательствовались...

Поэзия должна просто хранить живую душу человека и зеркально отображать ее в поэтическом Слове. Это само по себе – достойная цель творчества и давняя, целительная и удивительная магия, магия преображающей восприятие мира красоты поэтического слова, под чарующей властью которого мир становится «до краев» одушевленным. Вот, как в славных строках Георгия Иванова:

Край земли. Полоска дыма
Тянет в небо, не спеша
Одинока, нелюдима
Вьется ласточкой душа.